Литература, критика и искусство

ТѢНИ

Посвящается З. Н. Гиппіусъ.

Бойся призраковъ, — не тѣхъ, не тѣхъ
Духовъ, не земныхъ и не небесныхъ,
Искушающихъ великій грѣхъ
Выходцевъ изъ склеповъ тѣсныхъ.

Берегись другихъ тѣней: тѣней,
Выстраданныхъ жалостью унылой,
Памятью испепеленныхъ дней,
Говорящихъ сердцу: было.

Въ часъ томительный тоски, — тоски,
Внявшей сонмамъ хладныхъ привидѣній,
Окружатъ туманные полки,
Свяжутъ саванами тѣни.

Бойся призраковъ твоихъ: твоихъ
Тайныхъ сновъ о снѣ невозвратимомъ,
Тайныхъ слезъ, когда-то пролитыхъ
Надъ любовью, ставшей дымомъ.

Сергѣй Маковскій

Разсказы Алексѣя Ремизова

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. Московскія любимыя легенды. Три серпа. Изд. Таиръ. Парижъ. 1929.

Только что выпущенная новая книга разсказовъ Алексѣя Ремизова невольно влечетъ къ себѣ и ладомъ своего внутренняго ритма, и теплотою религіознаго чувства.

Можно разно относиться къ специфической манерѣ ремизовскаго письма, къ нарочитой изощренности его словесной вязи, но несомнѣнно одно: въ каждой книгѣ писателя мы чувствуемъ дыханье крупнаго таланта. Въ «Трехъ серпахъ» — тотъ же Ремизовъ, какимъ мы его знаемъ, затѣйникъ и словолюбъ, только болѣе сдержанный, чѣмъ обычно, и въ этомъ отсутствіи словесной перегруженности, — та пленительная простота, которая придаетъ всѣмъ этимъ небольшимъ, сугубо сгущеннымъ, разсказамъ большую внутреннюю силу и убѣдительность.

Основная, объединяющая тема — чудо, его высокая неизрѣченность. Все повѣствованіе неразрывно связано здѣсь со святымъ Николаемъ, чудотворцемъ Мирликійскимъ.

Маленькій, сѣденькій старичекъ, такой незамѣтный, такой простонародно-русскій, незримо присутствуетъ всюду, словно стоитъ только отдернуться и увидишь его, ласковаго, несказаннаго, съ заглядывающимъ въ душу взглядомъ добрыхъ, чуть выцвѣтшихъ глазъ. И о какомъ бы чудѣ ни разсказывалъ намъ Ремизовъ, мы всюду чувствуемъ себя въ потокахъ тихаго мерцанія души Святителя, и вѣримъ взволнованно: было такъ, было, и будетъ вновь..

Такъ вѣрятъ наши мужики, грубо и просто, такъ всегда вѣрило, почти исчезнувшее теперь богобоязненное россійское купечество.

Писателю удается на протяженіи всей книги держать въ сладостномъ напряженіи и, перелистывая страницу за страницей, словно уходишь далеко отъ жизни настоящаго къ тому «вчера», которое, несмотря ни на какіе вихревые годы, всегда будетъ манящею далью для русскаго сердца.

Игорь В-овъ.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ ДЛЯ ОТЗЫВА

«СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ», книга 37, Парижъ.

С. ЧЕТВЕРИКОВЪ. Судьба семьи Кореневыхъ. Берлинъ.

А. РЕМИЗОВЪ. Три серпа. Изд. «Таиръ», Парижъ.

«БАЛАГУРЪ», русскій календарь на 1929 г. Изд. «Литература», Рига.

ГАДАЛИНЪ. Гримасы кисти и пера. Сборникъ русскихъ юмористовъ, писателей и художниковъ. Изд. «Литература», Рига.

«ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ», журналъ. № 2-3. Рига.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ «ВОЗРОЖДЕНІЯ», НЕЗАВИСИМО ОТЪ СРОКА ПОДПИСКИ, МОГУТЪ ПРІОБРѢТАТЬ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

СО СКИДКОЙ СЪ ЦѢНЪ КАТАЛОГА ВЪ 40 ПРОЦ., КНИГИ:

	Цѣна во франкахъ По каталогу.	Для подписчиковъ.
АЛЕКСАНДРОВЪ. Полные русско-англійскій и англо-русскій словари въ холщ. переплетахъ по	104.00	62.40.
МАКАРОВЪ, Полные русско-французскій и французско-русскій словари въ холщ. переплетахъ по	130.00	78.00.
МОССЕ, Русско-французскій и французско-русскій словари въ переплет. по нов. орфографіи по	56.00	33.60
МОССЕ, Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словари въ перепл. по нов. орф. по	56.00	33.60
МОССЕ. Русско-англійскій и англійско-русскій словари въ пер. по н. ор. по	70.00	42.00
ТОМСОНЪ, Самоучитель англійскаго языка въ полухолщ. перепл. въ одномъ томѣ	78.00	46.80
ТОМСОНЪ. То же въ двухъ перепл.	90.00	54.00
МОЛОХОВЕЦЪ. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ, въ переплетѣ	104.00	62.40
МОНТУ, Книга о радіо	52.00	31.20

Деньги за книги можно посылать по почтѣ или вносить въ книжный магазинъ. Пересылка по себѣстоимости (приблизительно 10 % стоимости заказа по каталогу — во Франціи и 15 % — заграницу).

Конецъ одной полемики

Въ № 2843 «Послѣднихъ Новостей» помѣщена статья М. Л. Гофмана — продолженіе нашей полемики по нѣкоторымъ вопросамъ пушкиноведѣнія. Послѣ этой статьи отъ дальнѣйшей полемики по существу затронутыхъ вопросовъ я вынужденъ отказаться, ибо возраженія г. Гофмана состоятъ изъ сплошныхъ передержекъ, обличеніе которыхъ требуетъ слишкомъ много мѣста и не представляетъ интереса для дѣла. Но я принужденъ высказаться по частному вопросу.

Г. Гофманъ заявляетъ, что я страдаю «маніей», и что я увѣренъ, будто всѣ у меня «воруютъ» собранный мною матеріалъ и мои мысли. Это не такъ. Въ «воровствѣ» я никогда не обвинялъ никого, ни г. Гофмана, ни, тѣмъ болѣе, П. Е. Щеголева. Относительно Щеголева я лишь указалъ (въ «Современныхъ Запискахъ»), что слѣдуя за мной въ однихъ наблюденіяхъ, онъ упорно не хочетъ принять другихъ съ ними связанныхъ. Я упрекалъ Щеголева въ непослѣдовательности, въ упрямствѣ, но никакъ не въ кражѣ. Разница очевидная.

Въ плагіатѣ не обвинялъ я и г. Гофмана. Я лишь скромно указалъ, что цитаты изъ Пушкина суть общее достояніе, но что на рядъ сопоставленій, на извѣстный подборъ цитатъ и на нѣкоторые выводы изъ такого подбора я имѣю авторское право. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ сличить мое «Поэтическое хозяйство Пушкина» съ послѣдней книгой г. Гофмана, признаетъ неоспоримый фактъ: г. Гофманъ заимствовалъ у меня чрезвычайно много подобныхъ сопоставленій и рядъ вызванныхъ ими мыслей.

Только на это обстоятельство я и указалъ въ своей статьѣ. Нынѣ г. Гофманъ заставляетъ меня быть болѣе откровеннымъ. Онъ позволяетъ себѣ заявлять, будто я отрицательно отношусь къ его книгѣ съ горяною цѣлью «ослабить ударъ, наносимый ею «Поэтическому хозяйству Пушкина»! Нѣтъ, не мои, а свои собственныя побужденія высказалъ здѣсь г. Гофманъ. О нихъ я догадывался, но молчалъ, стыдясь за г. Гофмана.

«Поэтическое хозяйство Пушкина» есть рядъ наблюденій надъ пушкинскими самоповтореніями. Этимъ предметомъ я первый занялся спеціально. Г. Гофманъ подхватилъ мою тему и посвятилъ ей двѣ трети своей книги о психологіи пушкинскаго творчества, хотя, разумѣется, въ творческой психологіи Пушкина самоповторенія не играли столь выдающейся роли. И вотъ, почерпнувъ у меня и основную мысль, и множество частностей, г. Гофману ничего не оставалось, какъ или признать мой благой починъ въ этомъ дѣлѣ, или приняться всячески опорочивать мою книгу, въ которой онъ ранѣе «возсталъ» только противъ одной главы. Г. Гофманъ «возсталъ» на мой подборъ матеріала и на мой комментарій, послѣ того, какъ обильно заимствовалъ изъ того и другого, и послѣ того, какъ самъ же онъ писалъ мнѣ: **«Отъ поэтическаго хозяйства въ цѣломъ и въ нѣкоторыхъ его частностяхъ я въ восторгѣ и думаю, что давно пора было бы продѣлать такую нужную и интересную работу. Съ нѣкоторыми частностями не согласенъ.. Блестяще убѣдительны примѣры изъ Гавриліады!»**

Надѣюсь, всякому теперь ясно, зачѣмъ г. Гофману понадобилось нанести «ударъ» моей работѣ, которая вышла раньше, изъ которой г. Гофманъ многое взялъ и отъ которой самъ же, по его собственному заявленію, былъ «въ восторгѣ».

***

Не безъ желанія угодить галеркѣ, г. Гофманъ пишетъ, что авторское право на цитаты изъ Пушкина «принадлежатъ только Пушкину, а не Пушкину и Ходасевичу». Это одна изъ многочисленныхъ передержекъ г. Гофмана. Ни я, ни кто-либо другой не станетъ претендовать на стихи Пушкина. Другое дѣло — работа надъ этими стихами. Тутъ авторское право принадлежитъ изслѣдователю. И это до такой степени, что иногда такое авторское право отчасти какъ бы простирается и на самые стихи, — точнѣе, конечно, на ихъ редакцію. Когда тому или иному изслѣдователю удается установить новое, болѣе правильное чтеніе текста, — весьма принято, цитируя эти стихи въ такой новой, исправленной редакціи, ссылаться на редактора. За примѣромъ ходить не далеко. Я знаю, что стихотвореніе «Когда за городомъ задумчивъ я брожу» написано Пушкинымъ, а не г. Гофманомъ. Но, когда мнѣ однажды понадобилось полностью привести это стихотвореніе и я выбралъ редакцію г. Гофмана, — я счелъ своимъ долгомъ указать, что привожу его «по тексту, предложенному М. Л. Гофманомъ». (См. «Звено» № 197). И г. Гофманъ тогда это принялъ, какъ должное.

Но онъ самъ не любитъ ссылаться на другихъ. Онъ вообще дѣйствуетъ въ иномъ духѣ. Я могъ бы привести нѣсколько тяжелыхъ случаевъ, подтверждающихъ, что г. Гофманъ довольно безсовѣстенъ по части чужой литературной собственности. Но приведу лишь одинъ, не самый тяжелый, но зато самый типичный.

Среди пушкинскихъ автографовъ Академіи Наукъ находятся зашифрованные отрывки т. н. X главы «Евгенія Онѣгина». Въ свое время П. О. Морозову удалось ихъ расшифровать, и онъ ихъ напечаталъ въ XIII выпускѣ «Пушкина и его современниковъ». Дѣло было еще въ 1910 году, но эти отрывки остались широкой публикѣ мало извѣстными (хотя были перепечатаны въ 6 томѣ брокгаузовскаго изданія). И вотъ, г. Гофманъ вновь напечаталъ ихъ въ № 1435 газеты «Послѣднія Новости», отъ 28 декабря 1924 г. При этомъ г. Гофманъ разсказалъ и о томъ, какъ зашифрованы стихи, и какъ удалось ихъ расшифровать, — умолчалъ онъ только о томъ, что эта работа была произведена 14 лѣтъ тому назадъ, и не Гофманомъ, а Морозовымъ. Правда, г. Гофманъ не заявилъ прямо, что честь важнаго открытія и находчивой расшифровки принадлежитъ ему. Но онъ сумѣлъ не упомянуть имени Морозова, такъ что у читателя - неспеціалиста должно было создаться лишь одно впечатлѣніе: г. Гофманъ намъ открылъ новую главу «Евгенія Онѣгина», посвященную декабристамъ. И не удивительно, что именно такъ поняла дѣло редакція «Послѣднихъ Новостей», введенная въ заблужденіе г. Гофманомъ. Его «открытію» она посвятила передовую статью, начинающуюся словами: «Читатель прочтетъ сегодня у насъ неизданныя (!) строфы Пушкина, возстановленныя (!) извѣстнымъ пушкинистомъ — М. Л. Гофманомъ».

Помнится, кто-то изъ читателей послѣ этого прислалъ негодующее «Письмо въ редакцію» Г. Гофманъ жидко оправдывался, — но языковъ не перемѣнилъ. Вотъ и теперь, точно такъ же, какъ матеріалъ и мысли у меня, какъ изслѣдовательскую находку — у Морозова, г. Гофманъ позаимствовалъ у Вересаева рядъ его возраженій Щеголеву. И опять — ни словомъ не обмолвился о Вересаевѣ. Г. Гофманъ увѣряетъ, что онъ Вересаева не читалъ. Позволимъ себѣ этому не повѣрить. Дѣло въ томъ, что статья Щеголева, на которую возражалъ Вересаевъ, появилась въ октябрьской книжкѣ журнала «Новый Міръ» за 1927 годъ. Г. Гофманъ не возражалъ Щеголеву цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Но 10 мая 1928 г. въ Литературной Лѣтописи «Возрожденія» было отмѣчено появленіе въ Парижѣ на книжномъ рынкѣ журнала со статьей Вересаева. И вотъ, ровно черезъ недѣлю, 17 мая, вересаевскія возраженія Щеголеву оказались возраженіями г. Гофмана, который пересказалъ ихъ отъ своего имени — и тѣмъ еще разъ ввелъ въ заблужденіе ни въ чемъ неповинную редакцію «Послѣднихъ Новостей».

***

Я прошу читателя вѣрить, что мнѣ очень тяжело все это разсказывать. Странное поведеніе М. Л. Гофмана я склоненъ объяснять тяжелыми условіями эмигрантской жизни и той душевной неуравновѣшенностью, которая всѣмъ намъ досталась въ удѣлъ. Я надѣюсь никогда болѣе не возвращаться къ этой тяжелой темѣ, но на сей разъ былъ вынужденъ высказаться, такъ какъ не могу же я допустить, чтобы читатель остался въ увѣренности, будто по отношенію къ М. Л. Гофману я дѣйствую изъ низменныхъ побужденій, которыя онъ пытается свалить буквально съ больной головы на здоровую.

Владиславъ Ходасевичъ.

Литературная лѣтопись

Въ послѣднемъ номерѣ «Красной новиньки» помѣщены до сихъ поръ неопубликованные матеріалы о цензурныхъ мытарствахъ Льва Толстого. Они касаются преимущественно постановокъ «Власти тьмы», «Плодовъ просвѣщенія», «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», а также передѣлки «Воскресенія» для театра. Особенно подробно разсказана исторія постановки «Власти тьмы».

Въ 1886 году, тотчасъ по написаніи, пьеса была отправлена въ цензуру черезъ М. Г. Савину, желавшую поставить пьесу въ день своего бенефиса на Александринскомъ театрѣ. 2 января Толстой, жившій тогда въ Москвѣ, получилъ отъ М. Г. неожиданную телеграмму о томъ, что пьеса запрещена. Софья Андреевна въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: «По этому поводу я написала недоумѣвающее письмо начальнику по дѣламъ печати Феоктистову, который мнѣ отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, объясняя, что въ «Власти тьмы» цинизмъ выраженій, невозможный для сцены».

Но черезъ нѣкоторое время, благодаря всеобщимъ хлопотамъ, состоялась чтка пьесы въ квартирѣ министра двора гр. Воронцова - Дашкова, въ присутствіи Императора Александра III. Стаховичъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «По слѣ конца 5-го дѣйствія всѣ долго молчали, пока не раздался голосъ государя: «Чудная вещь!»

Вскорѣ начались репетиціи. Казалось, все обстоитъ благополучно. И однако, почти наканунѣ генеральной пришло запрещеніе изъ министерства двора. Оказывается, вокругъ пьесы Толстого велась все время ожесточенная борьба: съ одной стороны противъ нея боролся Побѣдоносцевъ, съ другой стороны — за нее — гр. Воронцовъ-Дашковъ и директоръ Императорскихъ театровъ Всеволожскій. Побѣдоносцевъ оказалъ соотвѣтствующее давленіе на Александра III. 18 февраля 1887 г. онъ подалъ Императору докладную записку. «Я только что прочелъ новую драму Л. Толстого, — писалъ онъ, — и не могу прийти въ себя отъ ужаса. Я не знаю ничего подобнаго ни въ какой литературѣ. Едва ли самъ Золя дошелъ до такой степени грубаго реализма, на какую здѣсь становится Толстой. Искусство писателя — замѣчательное, но какое униженіе искусства! Какое отсутствіе, больше того — отрицаніе идеала, какое униженіе нравственнаго чувства, какое оскорбленіе вкуса!» Александръ III былъ побѣжденъ этими доводами. Онъ отвѣтилъ Побѣдоносцеву: «Грустно очень, что столь талантливый Толстой ничего лучшаго не могъ выбрать для своей драмы, какъ этотъ отвратительный сюжетъ» — и тѣмъ самымъ запретилъ пьесу.

Лишь черезъ девять лѣтъ послѣ перваго представленія «Власти тьмы» въ цензуру была разрѣшена ея постановка на императорской сценѣ. 15 сентября 1895 года разрѣшеніе, наконецъ, было получено.

***

Юбилею Московскаго Художественнаго театра продолжаютъ въ совѣтскихъ журналахъ посвящаться статьи, въ большинствѣ дружескія, но не безъ нѣкоторыхъ «пожеланій на будущее». Такъ напримѣръ, Д. Тальниковъ всю силу театра видитъ въ *будущемъ*. По его мнѣнію, роль Художественнаго театра, сама по себѣ, какъ бы закончена, остается ему подготовлять себѣ смѣну, то есть почти всецѣло перейти къ педагогической дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ не согласенъ съ Луначарскимъ, который утверждаетъ «своевременность» Художественнаго театра и считается однимъ изъ главныхъ его защитниковъ. «Врядъ ли, конечно, можно согласиться съ тѣмъ, — пишетъ Тальниковъ — что «подлинный пролетарскій зритель» воспринимаетъ теперь этотъ театръ, какъ «свой» театръ, и его успѣхи, какъ «свои» успѣхи, въ чемъ хочетъ насъ увѣрить А. Луначарскій, но что передъ Художественнымъ театромъ — какъ указываетъ тотъ же авторъ, — раскрыты новые «боевые творческіе пути, раскрыты дали, раскрыта новая молодость» — въ этомъ конечно критикъ правъ».

Главное вниманіе, по мнѣнію Тальникова, нынѣ необходимо удѣлить молодежи. «Художественный театръ хочетъ жить новой жизнью, вступивъ въ нее черезъ свою молодежь, черезъ свое второе поколѣніе: передъ нимъ огромныя задачи — собрать въ свой театръ дѣйствительно талантливыхъ актеровъ, учить ихъ своему опыту, художественно оформить, воспитать въ планѣ новаго современнаго искусства эту свою смѣну, въ планѣ подлиннаго творческаго преображенія дѣйствительности, поставить ее на рельсы современнаго стиля. Онъ можетъ, и мы знаемъ, хочетъ это сдѣлать, но это уже будетъ новый Художественный театръ, нашихъ дней, нашего поколѣнія, новыхъ театральныхъ формъ, новаго дѣйствительнаго отраженія въ искусствѣ революціонной современности».

***

Вышелъ сборникъ разсказовъ Г. Алексѣева «Свѣтъ трехъ оконъ», изъ жизни деревни. На сей разъ мы ничего не узнаемъ ни о «философскихъ» идеяхъ мужика, ни о его политической дѣятельности. Алексѣева интересуютъ лишь тѣ моменты, которые говорятъ о «звѣроподобіи» человѣка. То мужъ бьетъ жену, «норовя своротить скулу», то отецъ одержимъ животной страстью къ собственной дочери. Совѣтская критика въ недоумѣніи: «Неужели только это и привлекаетъ взоръ писателя въ современной деревнѣ? Гдѣ же типическое обобщеніе современности?»

***

Вышла книга статей «Формальное изученіе литературы у насъ и въ Германіи» подъ редакціей В. Жирмунскаго. Въ книгу вошли статьи о «проблемахъ литературной формы» О. Вальцеля, В. Дибеліуса, К. Фосслера и Л. Шпитцера.

Цѣль книги — ознакомить читателя съ «формальной» наукой въ Германіи. До сихъ поръ этого почти не дѣлалось. Нынѣ Институтъ исторіи искусствъ приступилъ къ осуществленію нѣкотораго сближенія между формалистами-историками литературы русскими и нѣмецкими. Критика привѣтствуетъ это сближеніе, называя сборникъ и «цѣннымъ», и «интереснымъ». Статьи сборника не менѣе узко-спеціальны, чѣмъ статьи нашихъ русскихъ формалистовъ: вотъ темы нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Архитектоника драмъ Шекспира», «Морфологія романа», «Грамматическія и психологическія формы въ языкѣ»

Гулливеръ.

,Современныя Записки“. XXXVII.

«Жизнь Арсеньева» не будетъ вѣроятно, ни болѣе всѣхъ читаемой, ни даже самой «интересной» изъ книгъ Бунина, но она будетъ несомнѣнно одной изъ лучшихъ его книгъ и притомъ такой, что къ ней особенно трудно будетъ примѣнять наши впрокъ заготовленныя похвалы и заранѣе расчисленныя мѣрки.

Писателей, давно признанныхъ и безспорныхъ, нерѣдко такъ привыкаютъ восхвалять, что уже навсегда перестаютъ имъ удивляться, — такъ охотно принимаютъ отъ нихъ все, что принимаемаго уже не видятъ больше. Отчасти это случилось съ Бунинымъ. Между тѣмъ, то, что онъ намъ сейчасъ даетъ, совсѣмъ не такъ ужъ само собой вытекаетъ изъ всего, что имъ до сихъ поръ написано, совсѣмъ не такъ легко укладывается въ наши готовыя представленія о немъ. Если чѣмъ нибудь въ творчествѣ его подготовлена «Жизнь Арсеньева», такъ это развѣ лишь нѣкоторыми страницами путешествій, размышленій, дневниковъ, въ родѣ не такъ давно напечатанныхъ въ «Современныхъ Запискахъ», но «Жизнью Арсеньева» все это далеко превзойдено. И странно: казалось бы, личный, лирическій, приподнятый тонъ скорѣе умѣстенъ въ предѣлахъ нѣсколькихъ страницъ, чѣмъ на протяженіи долгаго повѣствованія, а вышло такъ, что именно здѣсь и только здѣсь тонъ этотъ оказался развитъ до конца и до конца оправданъ. «Жизнь Арсеньева» написана цѣликомъ въ тонѣ восклицательномъ, высокомъ, какъ величественная, полная ужаса, восторга и печали, повѣствующая, но и прославляющая ода.

«Боже, какимъ холодомъ и смрадомъ дышу на меня въ эту страшную минуту и какъ потрясла меня своей лелеющей твердостью темно-лимонная кость лба подъ этимъ вѣнчикомъ, въ непостижимую противоположность тому живому, весеннему, теплому, чѣмъ такъ сладко я просто вѣяло въ рѣшетчатыя окна деревни».

«Все же какъ ужасенъ былъ этотъ долгій и грубо обильный обѣдъ, который то и дѣло прерывали своими уже несклад ными, хмельными голосами причетники, встававшіе и умиленно пѣвшіе вѣчную память непонятному существу, только что зарытому въ землѣ за церковью».

«Никогда еще не плакалъ я такъ неистово и обильно, какъ въ тотъ день. Но съ какой нѣжностью, съ какой мукой сладчайшей любви къ міру, къ жизни, къ тѣлесной и духовной человѣческой красотѣ, которую сама того не вѣдая, открыла мнѣ Анхенъ, плакалъ я. А вечеромъ, когда уже отгудѣвъ отъ слезъ и затихнувъ, я опять зачѣмъ-то брелъ на рѣку, обогналъ меня тарантасъ, отвозившій Анхенъ на станцію, и кучеръ, пріостановившись подалъ мнѣ номеръ петербургскаго иллюстрированнаго журнала, въ который я, съ мѣсяцъ тому назадъ, послалъ стихи. Я не хотя развернулъ его — и меня точно молніей ослѣпили такъ и ударившія мнѣ въ глаза волшебныя буквы моего имени»..

Таково основное движеніе рѣчи, таковы интонаціи, опредѣляющія собой весь внутренній строй «Жизни Арсеньева». Построена она не столько въ видѣ воспоминаній, автобіографіи или исповѣди главнаго ея героя, сколько какъ непрекращающаяся хвала всему сущему и прежде всего собственному бытію.

Молодость разсказчика представляется ему чѣмъ-то такимъ же непостижимымъ и прекраснымъ какъ міръ окружающій его, такимъ же твореніемъ поэзіи опытнаго Творца, такимъ же непрерывнымъ чудомъ. «Выйдя на балконъ, я каждый разъ снова и снова, до недоумѣнія, даже до нѣкоторой муки, дивился на красоту ночи: что же это такое и что же съ этимъ дѣлать!» Недоумѣніе это — передъ творе - ніемъ, передъ Творцомъ — само есть источникъ творчества: книга Бунина вытекаетъ изъ него. Къ этому основному переживанію она возвращается все время, и нужно думать, что какъ бы ни развилось повѣствованіе въ дальнѣйшемъ, книга останется ему вѣрной до конца.

Здѣсь, во всякомъ случаѣ, залогъ ея единства и мѣра ея своеобразія. Источникъ ея — одинъ изъ основныхъ родниковъ всякаго творчества. И Прустъ, на противоположномъ полюсѣ искусства, такъ же говоритъ о марсельвильской колоколенѣ, какъ Бунинъ о красотѣ ночи, съ которой не знаетъ, что дѣлать и какъ проникнуть въ ея глубину. Ни въ русской, ни въ какой другой литературѣ я не знаю книги, которая такъ вся цѣликомъ бы создалась вокругъ этого единственнаго средоточія, не знаю съ чѣмъ сравнить это повѣствовательное пѣснопѣніе, этотъ гимнъ благодарности молодости, міру и себѣ, т. е. позволенію творить, полученному свыше, возможности и предчувствію творчества.

***

Повѣсть «Алина» Бориса Зайцева еще не закончена и такъ какъ фабула въ ней, въ отличіе отъ «Жизни Арсеньева», не вовсе второстепенна, то высказываться о повѣсти было бы преждевременно.

Новыя главы изъ «Московскихъ любимыхъ легендъ» Ремизова написаны къ сожалѣнію, нѣсколько блѣдно и какъ бы устало. Нѣкоторые пріемы (напримѣръ анахронизмы) примѣняются тутъ механически, безъ малѣйшей надобности для существа дѣла. Только послѣдній разсказъ, о королевичѣ Степанѣ, написанъ горячѣе и живѣе.

Два разсказа молодыхъ авторовъ, (какъ почти всегда въ «Современныхъ Запискахъ») выбраны неудачно. «Четыре дня» Георгія Евангулова разсказываютъ въ первомъ лицѣ о четырехдневномъ голоданіи. Предположимъ, что голодающій молодой человѣкъ — самъ авторъ; если такъ, мы сочувствуемъ ему и готовы повѣрить всему, что онъ сообщаетъ (кромѣ дремоты въ Лувръ передъ пейзажемъ Шардена: Шарденъ пейзажей не писалъ). Но этого сочувствія и этой вѣры еще недостаточно, чтобы прискорбный случай, разсказанный Евангуловымъ, не повисъ въ воздухѣ, не повлиялъ на жизни, превратился въ искусство; ничего, что для этого необходимо, онъ ни въ какой мѣрѣ въ насъ не вызываетъ.

Правда, если разсказъ Евангулова неискусенъ, то по крайней мѣрѣ онъ безхитростенъ. О «Домикѣ на 5-ой Рождественской» Б. Темирязева и этого сказать нельзя. Разсказъ написанъ несравненно хлестче и ловчѣй, но именно хлесткость и ловкость, какъ это часто бываетъ, подчеркиваютъ въ немъ отсутствіе всякаго истиннаго пера. Авторъ неумѣренно подражаетъ манерѣ писать, считавшейся лѣтъ шесть назадъ самой передовой и модной. Его ироніи, его циническій «антисентиментальный» тонъ взяты имъ на прокатъ у Замятина, Бабеля, даже Эренбурга. То, о чемъ онъ пишетъ, ему безразлично, онъ только хочетъ что-то смастерить, а потому никакого мастерства не получается и не можетъ получиться. Фельетонистомъ онъ можетъ сдѣлаться, на успѣхъ расчитывать можетъ, но я боюсь, что путь къ настоящему искусству для него навсегда закрытъ.

«Тезей» Марины Цвѣтаевой въ этомъ номерѣ законченъ, или закончена по крайней мѣрѣ вторая часть трилогіи. Какое удивительное соединеніе таланта съ ремесленнымъ рукодѣліемъ, чувства языка, какъ пѣлаго, его движенія, его потока, съ полнымъ отсутствіемъ чувства слова, какъ отвѣтственнаго и осмысленнаго логоса! Федра является къ Ипполиту «безъ причины» и «безъ привычки». Тезей высказываетъ пожеланіе, чтобы хоть въ могильномъ холмѣ обвила «Ипполитову кость — кость Ферлина», и стихъ этотъ является заключительнымъ стихомъ чего-то, что по самой темѣ своей должно претендовать на званіе трагедіи. Именно, если съ точки зрѣнія трагедіи опѣнивать «Тезея», онъ окажется окончательно смѣшонъ. Античная трагедія зиждется на религіозной основѣ, трагедія. Расина на основѣ этической: въ «Тезеѣ» нѣтъ ни религіи, ни этоса, ни даже любви, есть только неудавшееся сводничество кормилицы, находящей (какъ и сама Федра), что молодой женщинѣ пристало спать съ молодымъ любовникомъ, а не со старымъ мужемъ. На такой истинѣ трагедію построить довольно трудно.

Можно возразить, что сущность «Тезея» въ томъ, что это трагедія лирическая, что весь ея замыселъ въ стремительномъ движеніи, въ объединяющемъ ее съ начала до конца порывѣ страсти... Но если Марина Цвѣтаева думаетъ такъ, пусть она перечтетъ «Пентезилею» Клейста и постарается понять различіе между потокомъ хотя бы и находчивыхъ стиховъ и бьющимъ изнутри трагически - неудержимымъ ритмомъ.

Изъ стихотвореній Ходасевича наиболѣе совершенно второе, но третье указываетъ больше на тѣ новыя перспективы его поэзіи, которыя не разъ пріоткрывались, но не открылись еще и сейчасъ. Георгій Адамовичъ въ лучшемъ изъ двухъ своихъ стихотвореній меланхолически перепѣваетъ пиные и странные стихи Бодлера, изъ которыхъ взяты эпиграфомъ послѣднія слова. То, что въ «Brumes et pluies» было рыданіемъ, здѣсь обернулось вздохомъ: то, что было тамъ отчаяньемъ, здѣсь превратилось въ нелицемѣрную изящества грусть. Стихотворенія Николая Оцупа, особенно второе и третье, имѣютъ большія достоинства; это стихи мастера и поэта; за послѣднее время одинаково появлялись въ печати и болѣе вызывающіеся его стихи. Стихотвореніе Вячеслава Лебедева въ сущности не заслуживаетъ и упоминанія.

Изъ статей упомяну тѣ нѣсколько страницъ, что Н. О. Лосскій посвятилъ Толстому, статью Ходасевича «Въ спорахъ о Пушкинѣ» и интересныя размышленія П. М. Бицилли о «Націи и народѣ», которыя, кстати сказать, дополняютъ только что вышедшая небольшая работа того же автора на французскомъ языкѣ посвященная «Руссо и демократіи». П. Н. Милюковъ въ чрезвычайно длинной и отнюдь не безынтересной статьѣ говоритъ о «Традиціонной религіи и свободной мысли», но, какъ видно уже изъ самого заглавія статьи не совсѣмъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что такое религія. «Традиціонной», въ смыслѣ чего то въ родѣ механической передачи по наслѣдству, религія вообще не бываетъ; традиціонными, т. е. въ этомъ смыслѣ, пассивно усвоенными, повторяемыми по привычкѣ бываютъ научныя убѣжденія, политическія системы, партійные лозунги, — напримѣръ, представленія о томъ, что такое демократія и что такое свободная мысль, но религія или есть, какъ нѣчто творческое, и живое, или ея вообще нѣтъ.

В. Вейдле